

Б.К. Жумабекова^{1*}, Н.А. Шахметова²

¹Торайгыров Университет, Павлодар, Казахстан;

²Международный университет «Астана», Астана, Казахстан
(E-mail: beibitnur@mail.ru, n.shakhmetova@mail.ru)

Структурно-содержательный потенциал прецедентных феноменов

В статье произведен обзор научной литературы, посвященной теории прецедентности; изложены различные подходы к трактовке термина «прецедентный феномен» и его классификации. На материале казахского языка авторами проанализированы такие виды прецедентных феноменов, как прецедентные имена, прецедентные высказывания, прецедентная ситуация, пословицы как прецедентные тексты. В ходе анализа языкового корпуса выявлены и сформулированы характерные особенности прецедентных феноменов. Авторами также наглядно предложена структура прецедентного имени и обоснована необходимость выделения того или иного структурного компонента. Наряду с этим, определен содержательный потенциал прецедентных феноменов, что свидетельствует об оценке сущности человека, его действий и поступков, его отношения к окружающему миру. Следовательно, авторами обосновано то, что прецедентные феномены выступают средствами формирования ценностной модели мира.

Ключевые слова: прецедентный феномен, когнитивная база, концептуализация, структура, содержание, ценностная картина мира, культурный код, национальное мировосприятие.

Введение

В настоящее время в лингвистике в связи с поворотом научной парадигмы в антропоцентрическое русло наблюдается устойчивый интерес к когнитивной лингвистике. И в данном направлении особое место занимают исследования прецедентных феноменов (далее — ПФ).

Теория прецедентности восходит к классификации прецедентных феноменов Ю.Н. Караулова, который рассматривает ПФ в рамках теории языковой личности и дефинирует их следующим образом: «Назовем прецедентными — тексты, (1) значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, (2) имеющие сверхличностный характер, то есть хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие (3), обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [1; 216].

В настоящее время данная теория развивается Д.Б. Гудковым, И.В. Захаренко, В.В. Красных, Д.В. Багаевой, внесших свою лепту в развитие теории прецедентности. К ПФ можно отнести «Прецедентные феномены: 1) хорошо известные всем представителям национально-лингвокультурного сообщества (имеющие сверхличностный характер); 2) актуальные в когнитивном (познавательном и эмоциональном) плане; 3) обращение (апелляция) к которым постоянно возобновляется в речи представителей того или иного национально-лингвокультурного сообщества» [2; 170]. И далее ученый поясняет, что «за прецедентным феноменом всегда стоит некое представление о нем, общее и обязательное для всех носителей того или иного национально-культурного менталитета, или инвариант его восприятия ...» [2; 170].

Что касается типологии ПФ, то многие исследователи придерживаются классификации, выдвинутой Ю.Н. Карауловым, и углубленных его последователями: «Единицами, формирующими когнитивную базу, являются прецедентные феномены (ПФ), среди которых мы выделяем прецедентный текст, прецедентное имя, прецедентное высказывание и прецедентную ситуацию. Все указанные феномены находятся в тесной взаимосвязи» [3; 83].

Данной проблематике посвящены также работы таких российских исследователей, как Р.З. Назаровой и М.В. Золотарева, Г.Г. Слышкина, А.Н. Мищенко, Е.В. Маркевич, Е.А. Нахимовой и других. Они посвящены описанию процессов формирования прецедентного феномена, их анализу и роли

*Автор-корреспондент. E-mail: beibitnur@mail.ru

в концептуальном представлении мира, месту прецедентных феноменов в лингвокультурном обществе, выявлению их сфер-источников.

Так, Р.З. Назарова и М.В. Золотарев, изучив проблемы дефиниции и классификации прецедентных феноменов, дали им следующее определение: «Под прецедентными феноменами понимаются целостные единицы коммуникации, являющиеся апелляцией к прошлому явлению действительности и обладающие ценностной значимостью для отдельно взятой языковой личности или вплоть до лингвокультурного сообщества в целом» [4; 22].

Разрабатывая проблемы прецедентности, Г.Г. Слышкин рассматривает в качестве ПФ концепты прецедентных текстов и пишет, что прецедентный текст — «любая характеризующаяся цельностью и связностью последовательность знаковых единиц, обладающая ценностной значимостью для определенной культурной группы» [5; 29]. Он относит к ним «текст любой протяженности: от пословицы или афоризма и до эпоса» и «может включать в себя, помимо вербального компонента, изображение видеоряда или плаката, комикса, фильма». При этом он считает, что «концептуализируемые прецедентные миры могут быть плодом авторского воображения и входить в сознание носителей культуры в результате знакомства с художественными текстами» [6; 27].

А.Н. Мищенко, исследуя в своей диссертационной работе особенности реализации прецедентных антропонимов со сферой-источником «древнегреческая мифология» в актуальном медиапространстве, дефинирует ПФ следующим образом: «В когнитивной лингвистике языковые единицы, содержащие, кроме денотативного значения, особую семантическую информацию, а также отражающие категории национальной культуры, наиболее часто определяются как прецедентные феномены» [7; 31].

Несмотря на то, что исследователи разграничивают ПФ и дают им определения, четкой грани между ними нет. Как пишет Д.Б. Гудков, «при актуализации одного из них может происходить актуализация сразу нескольких остальных. Прецедентные феномены, связанные общностью происхождения, могут выступать как символы друг друга» [8; 108].

Как мы видим, ученые дифференцируют ПФ следующим образом: прецедентная ситуация, прецедентный текст, прецедентное имя (далее — ПИ) и прецедентное высказывание (далее — ПВ). А прецедентными феноменами являются единицы коммуникации, обладающие культурно-значимой информацией и хорошо известные среднему представителю определенного лингвокультурного сообщества, к которому они принадлежат.

Анализируя ПФ в деловом дискурсе, А.А. Габец различает их доминирующие функции и пишет по этому поводу следующее: «Наиболее часто эти языковые единицы используются официальными представителями институтов в следующих целях: 1) персуазивных, помогая аргументировать свои политические и экономические позиции; 2) фатических, способствуя установлению контакта с аудиторией; 3) текстообразующих, являющихся крепким фундаментом для логического выстраивания коммуникации» [9; 117] и «оказывают прагматическое воздействие на адресата путем приглашения реципиента в диалог не только с выступающим, но и с культурным контекстом» [9; 117].

В отечественной лингвистике также появляется все больше научных работ, посвященных теории прецедентности. Так, исследование Е.А. Журавлевой, Ж.Д. Капаровой посвящено изучению роли прецедентных текстов на материале казахстанских печатных газет и журналов [10].

На материале художественных произведений ПФ рассматривали Б.А. Абдыханова, Р.К. Конкаева. В статье изучается влияние устной литературы, являющейся показателем познания национальной культуры, на современную. В данном аспекте применяемые в художественных произведениях фольклорные тексты рассматриваются в качестве прецедентных текстов, описывается их потенциал и место в лингвокультурологии. В рамках интертекстуальности прецедентные тексты анализируются с точки зрения изучения вопросов «фольклора и художественной литературы», «фольклорного применения», взаимосвязи и взаимного влияния фольклора и литературы, в том числе «фольклорного использования». Кроме того, посредством таких текстов можно описать духовную культуру народа и способы их передачи. В этом отношении уделяется особое внимание на прецедентные тексты как одному из важных средств носителей духовного (культурного) кода [11; 688, 689].

Г.Б. Мадиева исследовала прецедентные нарицательные имена собственные и прецедентные топонимы [12]; Э.Н. Шумская — прецедентные феномены (имена, цитаты, аллюзии и т. д.) в русскоязычном политическом дискурсе Казахстана [13]; национально-культурные особенности стереотипных прецедентных имен на примере казахского, русского и английского языков рассматривают А. Мурзинова, А. Тымболова и другие [14; 702–715]; Б.З. Туребаева рассматривает использование

прецедентных феноменов как средства формирования культуроведческой компетенции в старших классах казахской школы и разработка приемов работы с ними в учебном процессе [15].

Как мы видим, прецедентные феномены рассматриваются в разных аспектах, с разных позиций и в различных видах дискурса.

Вопрос о сферах-источниках прецедентных феноменов, рассматривается Ю.Н. Карауловым в монографии «Русский язык и языковая личность». Исследователь выделил несколько возможных сфер-источников прецедентных феноменов: «Для ученого не должны считаться прецедентными тексты специальных работ — по тем же самым причинам. В то же время было бы неправомерным связывать прецедентные тексты только с художественной литературой. Во-первых, потому что они существуют до нее — в виде мифов, преданий, устно-поэтических произведений, а во-вторых, и в наше время в числе прецедентных, наряду с художественными, фигурируют и библейские тексты, и виды устной народной словесности (притча, анекдот, сказка и т.п.), и публицистические произведения историко-философского и политического звучания» [1; 216]. Е.А. Журавлева и Ж.Д. Капарова в упомянутой выше монографии в качестве сферы-источника называют «массовую культуру» [10; 72].

Прецедентные феномены рассматриваются также в современной рекламе; в заголовках газет, в газетном дискурсе, в интернет-рекламе, в радиодискурсе (см. научные труды И.В. Высоцкой; Н.А. Киселевой, Е.С. Жарковой, О.П. Семенец; М.А. Алексеевой; С.В. Фашановой). Целью данных исследований является выявление особенностей функционирования прецедентных высказываний, используемых в различных видах дискурса, что позволяет пополнять и обогащать теорию прецедентности.

Приведенный выше обзор классификаций сфер-источников прецедентных феноменов показывает, что типологии, представленные разными авторами, во многом схожи. Вновь появляющиеся исследования дополняют их новыми источниками. Классификации сфер-источников ПФ определяются материалом исследования.

Материал и методы исследования

Материалом настоящего исследования выступают примеры из образцов казахской народной литературы. Идиографический (гр. *idios* — «особый, специфический»; *grapho* — «пишу») использован с целью выявления особенностей анализируемых языковых единиц. Дескриптивный (описательный) метод применяется для описания семантического ореола прецедентных феноменов, представленных в статье. Контекстуальный анализ используется для изучения функциональной специфики слов и их значений, он представляет собой анализ фрагмента текста или предложения, в котором использовано данное слово, а также анализ зависимости значения слова от этого контекста. Интертекстуальный анализ текста позволил выявить роль прецедентных феноменов в обозначении смыслов вторичного текста.

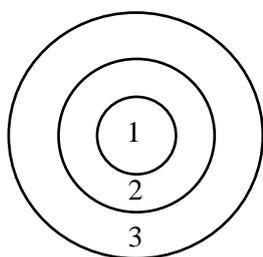
С помощью такого общенаучного метода, как наблюдение, изучаются существенные свойства и отношения языковых явлений, которые дают возможность интерпретации и обобщения его результатов.

Результаты и их обсуждение

Теперь приступим к анализу структуры и содержания некоторых из прецедентных феноменов. Рассмотрим структурно-содержательные характеристики устойчивых сочетаний ‘асан қайғыға түсу’ [салыну] и ‘қайда барса да Қорқыттың көрі’, восходящих к прецедентным именам *Асан Қайғы* (*Асан Печальный*) и *Қорқыт Ата*. В Казахско-русском фразеологическом словаре даются следующие значения этих устойчивых оборотов: 1) букв. впасть в скорбь; стать пессимистом. ≈ Мировая скорбь. *Әже, қойшы енді, асан қайғыға салынбай* (Ә.К. Дәмелі); 2) букв. куда бы не ходил, везде, как Корқыту, мерещится могила; кому-либо кажется, что его преследуют несчастья. — *Кемпір, кемпір, анау адамды байқаймысың?.. Көзін менен алмайды. — Қойшы, қайда барса, Қорқыттың көрі!..* (Ғ. Мұс. «Миллионер») [16; 26, 114].

В структурном отношении прецедентные имена (далее — ПИ) как любой прецедентный феномен состоит из ядра и периферии. В нашем случае ядро ПИ составляют отличительные признаки героев народных легенд *Асан Қайғы* (*Асана Печального*) и *Қорқыта* (внешние данные, внутренние качества, ситуация, связанная с происхождением указанных выше фразеологических оборотов). Периферия включает в себя атрибуты и индивидуальные представления (ассоциации) о ПИ. При этом, на наш взгляд, атрибуты образуют ближнюю, а лексемы-реакции (ассоциации) — дальнюю периферию. Атрибутами могут выступать «детали одежды или внешности, по которым можно ‘идентифициро-

вать’, ‘узнать’ денотат» [17; 90]. Представим это в виде рисунка (за основу взята схема, предложенная авторами научной работы) [17; 89]:

1. Отличительные признаки:
 - а) внешние данные;
 - б) внутренние качества;
 - в) прецедентная ситуация
2. Атрибуты.
3. Ассоциативное поле ПИ

Рисунок. Структурные компоненты прецедентного имени

В казахской литературе Асан Кайгы известен как поэт-философ, основоположник поэтического искусства жырау, расцвет которого приходится на XV–XVII вв. в духовной культуре казахского народа. Настоящее имя его — Хасан Сабитулы. Согласно историческим легендам, Асан был одним из влиятельных сановников хана Золотой орды Улуг-Мухамеда. Здесь считаем уместным дать толкование слова «сановник»: в орх., туркм., аз., каз., кирг., тат. языках *san* означает ‘честь’, ‘почет’, ‘уважение’, ‘достоинство’; др.-рус. *сань* (с XI в.) — ‘звание’, ‘должность’, ‘высокое положение’ [18; 275]. В 20-е гг. XV в. Асан был советником правителя Казани Улуг-Мухамеда. По возвращении в родные края после смерти Улуг-Мухамеда он служил советником Жанибек-хана, одного из основателей Казахской орды.

Если представить описание внутренних качеств и достоинств Асан Кайгы, то оно выглядит следующим образом: Асан Кайгы мечтал о будущей счастливой жизни казахского народа, он призывал к объединению всех родов и племен, к укреплению Казахского ханства. Тяжелый быт казахского народа, обусловленный кочевым образом жизни, отсутствие единства родов и племен стали лейтмотивом поэтических произведений Асан Кайгы, наполненных глубокой скорбью и печалью о судьбе народа. В подтверждение нашей мысли приведем отрывок из произведения «Бұл заманда не ғаріп»: «Бұл заманда не ғаріп? / Ақ қалалы боз ғаріп. // Жақсыларға айтпаған, / Асыл шырын сөз ғаріп. // Замандасы болмаса, / Қариялар болар тез ғаріп. / Қадірін жеңге білмесе, / Бойға жеткен қыз ғаріп. // Ел жағалай қонбаса, / Бетегелі бел ғаріп. // Қаз-үйрегі болмаса, Айдын — шалқар көл ғаріп. // Атажұрты бұқара / Өз қолында болмаса, / Қаниша жақсы болса да, / Қайратты туган ер ғаріп» [19; 25]. **Перевод:** «Что в жизни считать несчастьем? / Степь, где тесно пастбище скот, — несчастье. // Доброе слово, которое мы / Не успели сказать, — несчастье. // Старцы, утратившие родных / И заботу близких, — несчастье. Тетка, не ценящая родню, / Для девушки взрослой — несчастье. // Долины, где не пасут скота, / И трава гибнет зря, — несчастье. // Озера степные, где не живут / Гуси и утки, — несчастье. // Правитель, не знающий, как вести / К довольству наследие свое — народ, / Каким бы ни был хорошим он, / Для тех, кем он правит, — несчастье» (Вс. Рождественский) [20; 47, 48]. И как гласит легенда, Асан Кайгы отправляется в путь в поисках обетованной земли — Жер Уюк, где народ не знает «нужды, горя, гнета и вражды», где полно «многоводных рек» и где «жаворонок вьет свое гнездо на пушистой спине барана» [21; 28–31]. Долго странствуя на своей верблюдице Желмая, он так и не находит той счастливой земли Жер Уюк, о которой мечтал всю жизнь.

В структурном плане атрибутом анализируемого ПИ выступает верблюдица Желмая. Что касается описания внешних данных исторической личности Асан Кайгы, героя народной легенды «Как Асан Кайгы искал Жер Уюк», то и в исторических, и в фольклорных источниках оно как таковое отсутствует.

Анализ второго сочетания показывает, что содержание прецедентной единицы ‘қайда барса да, Қорқыттың көрі’ составляет сюжет легенды об акыне IX в., композиторе, сказителе, кобызшы Коркыте. Согласно легенде, Коркыт все время размышлял над вопросом «Почему люди умирают? Почему одни умирают молодыми, а другие — дожив до глубокой старости?» [21; 26]. Он ищет место бессмертия, но где бы ни был — «перед глазами вставала вырытая для него могила» [21; 27]. И тогда Коркыт изготавливает из дерева *шырғай* кобызы и, играя на нем, странствует по земле. Таким образом, он борется со смертью и в думах о ней он умирает, оставив нам богатое культурное наследие.

Обратимся к следующему примеру — прецедентному высказыванию (далее — ПВ) «Қасым ханның қасқа жолы». Отметим, что в любом ПВ всегда отражается прецедентная ситуация, которая способствует определению его содержательного потенциала. Так, в истории казахского народа годы правления Касым-хана характеризуются тем, что Казахское ханство расширяет свою территорию, растет численность его населения, укрепляются торговые и дипломатические связи с другими государствами. Касым-хан издает первый в истории казахского народа свод законов адата, получивший название «Қасым ханның қасқа жолы», что значит «Праведный путь Касым-хана». Такое название, по нашему мнению, объясняется тем, что данный документ разработан Касым-ханом с учетом традиций и обычаев казахского народа. Как считают правоведы-историки, этот документ является одним из основных источников обычного права казахов [22]. Таким образом, анализируемое нами прецедентное высказывание отличается глубокой семантикой, составляющей когнитивную базу казахской лингвокультуры.

Структурный компонент прецедентного имени *Касым-хан*, к которому восходит высказывание «Қасым ханның қасқа жолы», включает в себя следующие внутренние качества исторической личности: красноречивость, поэтический дар, дальновидность, благородство, искусные дипломатические способности, знание языков и т.д. Будучи одним из образованнейших людей своего времени Касым-хан обладал широкими знаниями в области военно-инженерного искусства. Что касается характеристики внешнего мира исторической личности, то она представляет определенную сложность, так как из «исторических источников не всегда удается установить внешность исторического героя, черты его характера, степень образованности. Но о самих исторических событиях, в которых они участвовали и которые направляли, мы знаем много и это помогает воссоздать образы наших великих предков» [23; 4].

Приведем также пример с ярким описанием внешности и внутреннего мира как структурных составляющих прецедентного имени: *Бір жұрт бар Ақжайықта — Жағалбайлы, / Жырлаған запыранды заман жайлы. // Жетеді ол қайтсе де бір мұратына, / Өлеңін өзі солай тамамдайды... // Не деген шерлі бірақ Жағалбайлы! / Қолыңа шырақ алып іздесе де, / Үш жүзден Қыз Жібекін таба алмайды* (С. Ақсұңқарұлы. «Қара орман»). Из этого примера видно, что прецедентное имя *Кыз Жібек* — это собирательный образ девушки неопишуемой красоты. В подтверждение представим отрывок из лиро-эпической поэмы «Кыз Жібек»: *«Ақ маңдайы жалтылдап, / Танадай көзі жарқылдап, / Алтын шашбау шашында. / Қыз Жібектің шаштары / Қоғалы көлдің құрағы... // Қыз Жібектің ақтығы — / Наурыздың ақша қарындай. // Ақ бетінің қызылы — / Ақ тауықтың қанындай. // Екі беттің ажары — / Жазғы түскен сағымдай... // Өткірлігін байқасаң, / Ұсталар соққан кетпендей...»* [24; 10, 11]. — **Перевод:** *«И красива, и стройна, / И величавости полна. // Сравнить себя с Лейли прекрасной / Не пожелала бы она... // Лоб ее светел и чист, / Огонь ее глаз — лучист. // И белизна ее лица, / Как будто серебро кольца, / Как в Наурыз пушистый снег, / Что виден из окна дворца. // Белой куропатки кровь — / Молодой румянец щек...// Но слово насмешки ее / Острей, чем ножа острие...»* (Б. Канапьянов) [17; 34].

Как мы видим, в отрывке отражаются такие внутренние достоинства героини, как девичья гордость, честолюбие, глубина и чистота чувств к возлюбленному, острый ум, красноречие и т.д. В поэме через внутренний мир героев описываются целые исторические события: сложные отношения между родами, выражается протест против обычаев сватовства того времени, воспевается свобода любви и свободный выбор спутника или спутницы жизни.

Говоря о последнем компоненте в структуре прецедентного имени, отметим, что создание ассоциативного поля с лексемой, обозначающей ПИ, безусловно, возможно лишь путем ассоциативного эксперимента, являющегося задачей дальнейших наших исследований.

Таким образом, можно смело утверждать, что в казахской литературе очень ярко представлены единицы прецедентного явления. Это не случайно, так как в объективной жизни человек вступает в самые разнообразные отношения с другими людьми, предметами и явлениями окружающего мира, с различными институтами. При этом человек проявляет себя в разных функциях, то есть происходит оценка его действий и поступков, характера и т.д. Подтверждением тому являются следующие прецедентные имена: *Атымтай жомарт* (о щедром человеке); *шық бермес Шығайбай* — очень жадный, скупой человек; *Желтекбай /Желтеңбай* (о легкомысленном человеке); *Қожанасыр* (о рассеянном человеке); *Мырқымбай* (о бесталанном, простоватом и глупом человеке); *Дайрабай, Судыр Ахмет* и другие. Представим несколько примеров из произведений: *Бар десек, әрине, ол барады, — деді Мұхаммеді, — бірақ қожанасыр неме гоі, бірдемені бүлдіріп алар* (М. Ғабдуллин. «Сұрапыл»); *Е, бәсе,*

біз сияқты мырқымбайларға тым болмаса үйіңе келгенде мәдениеттен иіс сездіріп отырмасаң болмас, — деп көршім сөз қосып еді, Тәшекең көтеріле түсті (Е. Қонарбаев. «Түнгі от») и т.д. В содержательном отношении выделенные примеры выступают собирательными образами, они не относятся к конкретному человеку, а приобретают статус прецедентных имен с оценочным значением.

Что касается прецедентных единиц *Ұмай-ана* (мифический образ хранительницы домашнего очага, покровительницы детей и рожениц), *Қамбар ата* (покровитель лошадей), *Ойсыл қара* (покровитель верблюдов), *Бибі Фатима* (покровительница женщин), то они восходят к народным мифам, повествуящим о происхождении мира, божеств, небесных светил.

К прецедентным феноменам также относятся пословицы и молитвенные благопожелания (*бата сөздер*).

Молитвенное благопожелание (*бата сөз*) представляет собой особую прецедентную ситуацию или прецедентное событие, в котором принимают участие говорящий (почтенный человек), слушающий (тот, кому адресовано благопожелание) и некая высшая сила, которая через адресанта воздействует на адресата и направляет его на праведный путь, к реализации желаний. В основе каждого молитвенного благопожелания лежат определенные нравственные предписания. К примеру, очень известное в народе благопожелание (*бата сөз*) Бауыржана Момышулы [25; 100]:

Текст	Перевод
<i>Е, Жаратушы, Жасаған!</i>	<i>О, Всевышний! Если дашь жизнь, то сделай ее</i>
<i>Өмір берсең — жайлылығын бер,</i>	<i>осмысленной и спокойной.</i>
<i>Дәулеті мен байлығын бер,</i>	<i>Если дашь достаток, то сделай богатство чест-</i>
<i>Еңбегіміз өністі болсын,</i>	<i>ным.</i>
<i>Қамбамыз жемісті болсын,</i>	<i>Пусть труд наш будет плодотворным!</i>
<i>Көсегеміз көркейіп,</i>	<i>Пусть закрома будут зерном полны!</i>
<i>Мыңғырған мал өріске толсын.</i>	<i>Пусть пастбища наши будут травами богаты!</i>
(Б. Момышұлы)	<i>Пусть сердца наши будут радостью богаты!</i>
	(Б. Момышұлы) [25; 100].

Молитвенное благопожелание представляет собой особый акт коммуникации, в котором осуществляется «встреча энергий», способствующих повышению силы слова, его магии.

В казахской традиции сохранилось очень много образцов молитвенных благопожеланий, в особенности, связанных с героями эпических произведений, историческими личностями и определенными периодами человеческой жизни. Изучение их требует специального внимания, поэтому в настоящей работе мы остановимся лишь на анализе пословиц.

В научных трудах последних десятилетий пословицы рассматриваются как прецедентные тексты, которым, по словам Ю.Н. Караулова, свойственны хрестоматийность, общеизвестность и реинтерпретируемость [1; 216].

Одним из отличительных признаков пословиц является то, что они обладают неоспоримым культурным авторитетом. Употребляя в своей речи пословицы, мы тем самым обращаемся к опыту поколений: вспоминаем их в той или иной ситуации, сравниваем с подобными из жизни наших мудрых предков, таким образом выражаем свое отношение к высказанному. Например, пословицы, содержащие оценку качеств, действий человека: *Халық айтпайды, халық айтса, қалып айтпайды* («Народ молчит, а если заговорит, то неправду не скажет»); *Аң таппаған атынан көрер, ата алмаған мылтығынан көрер* («Кто не находит зверя, обвиняет в этом своего коня, кто не попадает в зверя, обвиняет свое ружье»); *Өнерлінің тасы өрге домалайды* («У умельца камень катится в гору»); *Жауды аяған жаралы* («Пожалевший врага пострадает сам»); *Ұяда нені көрсе, ұшиқанда соны іледі* («К чему привык птенец в гнезде, то и будет искать, когда взлетит») и др.

На наш взгляд, интерес представляют пословицы, регламентирующие поведение человека согласно нормам, принятым в том или ином обществе, к примеру: *Ұлың өссе — ұлы үлгілімен ауылдас бол* («Если растет у тебя сын, выбери в соседи того, у кого примерный сын»); *Не ексең, соны орасың* («Что посеешь, то и пожнешь»); *Көп жасағаннан сұрама, көпті көргеннен сұра* («Не спрашивай у того, кто много прожил, спрашивай у того, кто много видел»); *Жүрекке әмір жүрмейді* («Сердцу не прикажешь»); *Жазмышта озмыш жоқ* («От судьбы не уйдешь»); *Ақылсызға айтқан сөз — құба қырдың астында* («Что сказано глупому, пропущено мимо ушей») и др. Приведенные пословицы свидетельствуют об указании на возможный способ действия (1–3; способ вырастить примерного сына —

быть в соседях с тем, у кого примерный сын) и невозможность действия (4–6; говорить что-либо глупому бесполезно, потому что он глупый).

Таким образом, используя пословицы, говорящий выражает свою субъективную оценку происходящему, высказанному, выявляет причинно-следственные отношения явлений и событий действительности: «*Бейнет түбі — зейнет; Құтты қонақ келсе, қой егіз табады; Жақсы достан жан тида; Жақсымен жолдас болсаң, жетерсің мұратқа; жаманмен жолдас болсаң, қаларсың ұятқа; Жақсы сөз — жарым ырыс; Алғаның жақсы болса, үйіңнен кісің кетпейді; алғаның жаман болса, досың да шеттейді; Еңбектің көзін тапқан байлықтың өзін табады*» и др. [26; 31].

Как показывает анализ пословиц, за каждой из них «стоит авторитет поколений, их создавших. Поэтому пословицы не спорят, не доказывают — они просто утверждают или отрицают что-либо в уверенности, что все ими сказанное — твердая истина» [27; 6]. Казахские пословицы многообразны по своему содержанию, в них отражаются национальные особенности материальной и духовной культуры казахского народа.

Заключение

Таким образом, в современной лингвистической науке существуют различные подходы к исследованию прецедентных феноменов и их классификации. Разнообразие дефиниций и подходов к понятию *прецедентного феномена* позволяет сформулировать его следующие характеристики:

1. Прецедентные феномены характеризуются распространенностью в определенной лингвокультуре.
2. Прецедентные феномены сосредоточиваются в сознании человека, следовательно, они образуют когнитивную базу того или иного лингвокультурного сообщества.
3. Прецедентные феномены выступают средствами познания и концептуализации окружающего мира.
4. Прецедентные феномены характеризуются национально-культурными особенностями. Они несут в себе культурно-историческую информацию. В них отражаются особенности национального характера, национального мировосприятия того или иного народа. Прецедентные единицы служат средством обеспечения диалога поколений.
5. Прецедентные феномены репрезентируются языковыми средствами (устойчивые сочетания, имена собственные (антропонимы, мифоантропонимы), крылатые выражения и т.д.).
6. Прецедентные феномены, в частности, прецедентные имена имеют, на наш взгляд, достаточно сложную структуру (см. рис.).
7. Прецедентные феномены являются средствами формирования ценностной картины мира, так как в содержательном отношении в них доминирует оценочная коннотация.
8. Прецедентные феномены выступают средствами реализации культурного кода в том или ином лингвокультурном сообществе.

Обзор литературы по проблемам прецедентности свидетельствует о том, что данная теория требует дальнейшего изучения. В перспективе планируется более глубокое исследование прецедентных феноменов и выявление их новых функций на большем количестве художественных произведений на материале казахского языка.

Список литературы

- 1 Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. — 7-е изд. — М.: Изд-во «ЛКИ», 2010. — 264 с.
- 2 Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В.В. Красных. — М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. — 375 с.
- 3 Гудков Д.Б. Прецедентное имя в когнитивной базе современного русского (результаты эксперимента) / Д. Б. Гудков // Язык, сознание, коммуникация: сб. ст. под ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. — 1998. — Вып. 4. — М.: Филология. — 128 с.
- 4 Назарова Р.З. Прецедентные феномены: проблемы дефиниции и классификации прецедентных феноменов / Р.З. Назарова, М.В. Золотарев // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. — Т. 15. — Вып. 2. — 2015. — С. 17–22.
- 5 Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе / Г.Г. Слышкин. — М.: Академия, 2000. — 128 с.
- 6 Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты и метапонятия: автореф. дис. на соискание уч. степени д-ра филол. наук: 10.02.19 «Теория языка» / Г.Г. Слышкин. — Волгоград, 2004. — 44 с.

- 7 Мищенко А.Н. Древнегреческая мифология как основа прецедентности в текстах русскоязычных СМИ: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 «Русский язык» / А.Н. Мищенко. — Симферополь, 2020. — 189 с.
- 8 Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации / Д.Б. Гудков. — М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. — 288 с.
- 9 Габец А.А. Функции прецедентных феноменов в деловом дискурсе / А.А. Габец. — 2016. — С. 113–119. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <file:///C:/Users/User/Downloads/4287-10726-1-SM.pdf>.
- 10 Журавлева Е.А. Прецедентные тексты начала XXI века (на материале прессы Казахстана): моногр. / Е.А. Журавлева, Ж.Д. Капарова. — М.: Флинта; Наука, 2007. — 256 с.
- 11 Абдыханова Б.А. Лингвокультурологическая роль фольклорных произведений как прецедентных текстов (на основе художественных произведений XXI в.) [Текст]. / Б.А. Абдыханова, Р.К. Конкаева // USA: Scientific Collection «Interconf». — № 3(36). Challenges in Science of Nowadays Washington (26-28.11.2020). — 2020. — С. 688–695.
- 12 Мадиева Г.Б. Ономастическое пространство современного Казахстана: структура, семантика, прецедентность, лемматизация: автореф. дис. на соискание уч. степени д-ра филол. наук: 10.02.19 «Теория языка» / Г.Б. Мадиева. — Алматы, 2005. — 36 с.
- 13 Шумская Э.Н. Прецедентные феномены со сферой-источником «Литература» в русскоязычном политическом дискурсе Казахстана / Э.Н. Шумская // Лингвокультурология. — Екатеринбург, 2010. — С. 239–248. — [Электронный ресурс] — Режим доступа: <file:///C:/Users/User/Downloads/precedentnye-fenomeny-so-sferoy-istochnikom-literatura-v-russkoyazychnom-politicheskom-diskurse-kazahstana.pdf>.
- 14 Murzinova A. The national and cultural peculiarities of stereotyped precedent names (A case study of the Kazakh, Russian, and English languages) / A. Murzinova, A. Tymbolova, K. Yelshibaeva, G. Abdirassilova, A. Kushkimbayeva, M. Mirov // *XLinguae Eur. Sci. Lang.* — 2018. — Vol. 11(2). — P. 702–715.
- 15 Туребаева Б.З. Прецедентные феномены как средство формирования культуроведческой компетенции при обучении русскому языку учащихся старших классов казахской школы: автореф. дис. на соискание уч. степени канд. пед. наук: спец. 13.00.02 «Теория и методика обучения русскому языку» / Б.З. Туребаева. — М., 2000. — 20 с.
- 16 Кожаметова Х.К. Казахско-русский фразеологический словарь / Х.К. Кожаметова, Р.Е. Жайсакова, Ш.О. Кожаметова. — Алма-Ата: Мектеп, 1988. — 224 с.
- 17 Захаренко И.В. Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов / И.В. Захаренко, В.В. Красных, Д.Б. Гудков, Д.В. Багаева // *Язык. Сознание. Коммуникация: сб. ст.* — 1997. — Вып. 1. — С. 82–103.
- 18 Шипова Е.Н. Словарь тюркизмов в русском языке / Е.Н. Шипова; под ред. А.Н. Кононова. — Алма-Ата: Ғылым, 1976. — 392 с.
- 19 Бес ғасыр жырлайды: [2 томдық] / Құраст. М. Мағауин, М. Байділдаев. — Алматы: Жазушы, 1989. — Т. 1. — 384 б.
- 20 Саптаева Ш.К. Казахская литература: учебник для X–XI классов русских школ Казахстана / Ш.К. Саптаева, Х.А. Адибаев. — Алматы: Рауан, 1993. — 208 с.
- 21 Казахская литература: учебное пособие для 6 класса / Сост.: К.Н. Сариева, И.Р. Махракова, З.Н. Молдахметова, Н.Н. Ставицкая. — Алматы: Жеті жарғы, 2002. — 248 с.
- 22 Зиманов С.З. Проблемы казахского обычного права / С.З. Зиманов. — М.: Наука, 1989.
- 23 Полякова В.Т. Хан Касым — великий сын казахского народа / В.Т. Полякова. — 4-е изд. — Тараз: Тараз ун-ті, 2008. — 351 с.
- 24 Керімбекова Б. Қазақ әдебиеті: жалпы білім беретін мектептің 7-сыныбына арналған оқулық / Б. Керімбекова, Ә. Қуанышбаева. — Алматы: Мектеп, 2017. — 160 б.
- 25 Шахметова Н.А. Молитвенное благопожелание (бата сөз) как своеобразная площадка «слияния энергий» [Электронный ресурс] / Н.А. Шахметова // *Bulletin de l'Academie Internationale Concorde*. — № 1. — 2021. — С. 85–106. — Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=45423137>.
- 26 Адамбаев Б. Казахское народное ораторское искусство / Б. Адамбаев. — Алматы: Ана тілі, 1997. — 208 б.
- 27 Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок / В.П. Жуков. — 6-е изд., стереотип. — М.: Рус. яз., 1998. — 544 с.

Б.Қ. Жұмабекова, Н.А. Шахметова

Прецеденттік құбылыстардың құрылымдық-мазмұндық әлеуеті

Мақалада прецеденттік теориясына арналған ғылыми әдебиетке шолу жасалған; «прецеденттік құбылыс» терминінің түсінігі мен оның топтастырылуы туралы лингвистика ғылымында қалыптасқан ғылыми көзқарастар баяндалған. Қазақ тілі материалы негізінде авторлар прецеденттік атаулар, прецеденттік сөйлемдер, прецеденттік жағдаяттар және прецеденттік мәтіндерге жататын мақалдар сынды прецеденттік құбылыстарды талдаған. Тілдік материалды талдау барысында прецеденттік құбылыстардың өздеріне тән ерекшеліктері анықталып, сипатталған. Авторлар сонымен қатар прецеденттік атаудың құрылымын нақты ұсынды және белгілі бір құрылымдық компонентті бөліп көрсету қажеттілігін негіздеді. Сонымен қатар, адам болмысының, оның іс-әрекеттерінің, қоршаған ортаға деген

қарым-қатынасының бағалауын көрсететін прецеденттік құбылыстардың мазмұндық әлеуеті анықталған. Демек, авторлар прецеденттік құбылыстар әлемнің құндылық моделін қалыптастыру құралы ретінде әрекет ететіндігін негіздейді.

Кілт сөздер: прецеденттік құбылыс, когнитивтік база, тұжырымдамалау, құрылым, мазмұны, дүниенің құндылық суреті, мәдени код, ұлттық дүниетаным.

B.K. Zhumabekova, N.A. Shakhmetova

Structural and content potential of precedent phenomena

This article reviews the scientific literature on the theory of precedence; different approaches to the interpretation of the term “precedent phenomenon” and its classifications are being outlined. On the material of the Kazakh language, the authors analyze such types of precedent phenomena as precedent names, precedent statements, precedent situation, and proverbs as precedent texts. In the course of the analysis of the language corpus, the characteristic features of precedent phenomena are being identified and formulated. The authors also clearly suggest the structure of a precedent name and substantiate the need to highlight one or another structural component. Along with this, the content potential of precedent phenomena is being determined, which indicates an assessment of the essence of a person, his actions and deeds as well as his attitude to the world around him. Consequently, the authors substantiate the fact that precedent phenomena act as means of forming a value model of the world.

Keywords: precedent phenomenon, cognitive base, conceptualization, structure, content, value picture of the world, cultural code, national worldview.

References

- 1 Karaulov, Yu.N. (2010). *Russkii yazyk i yazykovaia lichnost* [Russian language and language personality]. Moscow: Izdatelstvo “LKI” [in Russian].
- 2 Krasnykh, V.V. (2003). “Svoi” sredi “chuzhikh”: mif ili realnost? [“a friend” among “strangers”: myth or reality?]. Moscow: ITDGK “Gnozis” [in Russian].
- 3 Gudkov, D.B. (1998). *Pretsedentnoe imia v kognitivnoi baze sovremennogo russkogo (rezultaty eksperimenta)* [Precedent Name in the Cognitive Base of Modern Russian (Experimental Results)]. *Yazyk, soznanie, kommunikatsiia — Language, consciousness, communication*. V.V. Krasnykh, A.I. Izotov (Ed.). Moscow: Filologiya [in Russian].
- 4 Nazarova, R.Z., & Zolotarev, M.V. (2015). *Pretsedentnye fenomeny: problemy definitsii i klassifikatsii pretsedentnykh fenomenov* [Precedent Phenomena: Problems of Definition and Classification of Precedent Phenomena]. *Izvestiia Saratovskogo universiteta. Novaia seriia. Seriia Filologiya. Zhurnalistika — News of Saratov University. A new series. Series: Philology. Journalism*, 15(2), 17–22 [in Russian].
- 5 Slyshkin, G.G. (2000). *Ot teksta k simvolu: lingvokulturnye kontsepty pretsedentnykh tekstov v soznanii i diskurse* [From text to symbol: linguistic and cultural concepts of precedent texts in consciousness and discourse]. Moscow: Akademiia [in Russian].
- 6 Slyshkin, G.G. (2004). *Lingvokulturnye kontsepty i metakontsepty* [Linguocultural concepts and metaconcepts]. *Extended abstract of Doctor’s thesis*. Volgograd [in Russian].
- 7 Mishchenko, A.N. (2020). *Drevnegrecheskaia mifologiya kak osnova pretsedentnosti v tekstakh russkoiazыchnykh SMI* [Ancient Greek mythology as the basis of precedent in the texts of Russian-language media]. *Candidate’s thesis*. Simferopol [in Russian].
- 8 Gudkov, D.B. (2003). *Teoriia i praktika mezhkulturnoi kommunikatsii* [Theory and practice of intercultural communication]. Moscow: ITDGK «Gnozis» [in Russian].
- 9 Gabets, A.A. (2016). *Funktsii pretsedentnykh fenomenov v delovom diskurse* [Functions of precedent phenomena in business discourse]. Retrieved from: file:///C:/Users/User/Downloads/4287-10726-1-SM.pdf [in Russian].
- 10 Zhuravleva, E.A. (2007). *Pretsedentnye teksty nachala XXI veka (na materiale pressy Kazakhstana): monografiia* [Precedent texts of the beginning of the XXI century (based on the material of the Kazakhstani press): monograph]. Moscow: Flinta; Nauka [in Russian].
- 11 Abdykhanova, B.A., & Konkaeva, R.K. (2020). *Lingvokulturologicheskaiia rol folklornykh proizvedenii kak pretsedentnykh tekstov (na osnove khudozhestvennykh proizvedenii XXI v.)* [The linguoculturological role of folklore works as precedent texts (based on works of fiction of the XXI century)]. *Scientific Collection “Interconf”, No 3(36)*. Challenges in Science of Nowadays Washington, USA, 688–695 [in Russian].
- 12 Madieva, G.B. (2005). *Onomasticheskoe prostranstvo sovremennogo Kazakhstana: struktura, semantika, pretsedentnost, lemmatizatsiia* [Onomastic space of modern Kazakhstan: structure, semantics, precedent, lemmatization]. *Extended abstract of Doctor’s thesis*. Almaty [in Russian].
- 13 Shumskaia, E.N. (2010). *Pretsedentnye fenomeny so sferoi-istochnikom “Literatura” v russkoiazыchnom politicheskom diskurse Kazakhstana*. *Lingvokulturologiya*, 239–248. Ekaterinburg. Retrieved from file: ///C:/Users/User/Downloads/pretsedentnye-

fenomeny-so-sferoy-istochnikom-literatura-v-russkoyazychnom-politicheskom-diskurse-kazahstana.pdf. (data obrashcheniia: 25.02.2023) (accessed: 02/25/2023) [in Russian].

14 Murzinova, A., Tymbolova, A., Yelshibaeva, K., Abdirassilova, G., Kushkimbayeva, A., & Mirov, M. (2018). The national and cultural peculiarities of stereotyped precedent names (A case study of the Kazakh, Russian, and English languages). *XLinguae Eur. Sci. Lang. J.* 11(2), 702–715.

15 Turebaeva, B.Z. (2000). Precedentnye fenomeny kak sredstvo formirovaniia kulturovedcheskoi kompetentsii pri obuchenii russkomu yazyku uchashchikhsia starshikh klassov kazakhskoi shkoly [Precedent phenomena as a means of forming cultural competence in teaching Russian language to high school students of the Kazakh school]. *Extended abstract of candidate's thesis*. Moscow [in Russian].

16 Kozhakhmetova, Kh.K., Zhaisakova, R.E., & Kozhakhmetova, Sh.O. (1988). Kazakhsko-russkii frazeologicheskii slovar [Kazakh-Russian phraseological dictionary]. Alma-Ata: Mektep [in Kazakh, Russian].

17 Zakharenko, I.V., Krasnykh, V.V., Gudkov, D.B., & Bagaeva, D.V. (1997). Precedentnoe imia i precedentnoe vyskazyvanie kak simvol'y precedentnykh fenomenov [Precedent name and precedent statement as symbols of precedent phenomena]. *Yazyk, soznanie, kommunikatsiia — Language, consciousness, communication*. Moscow, 82–103 [in Russian].

18 Shipova, E.N. (1976). Slovar tiurkizmov v russkom yazyke [Dictionary of Turkisms in the Russian language]. A.N. Kononova (Ed.). Alma-Ata: Gylym [in Russian].

19 Magauin, M., & Baidildaev, M. (Eds.). (1989). Bes ghasyr zhyrlaidy: 2 tomdyq [Five centuries' sings: 2 volumes]. Almaty: Zhazushy [in Kazakh].

20 Satpaeva, Sh.K., & Adibaev, Kh.A. (1993). Kazakhskaia literatura: uchebnyk dlia X–XI klassov russkikh shkol Kazakhstana [Kazakh literature: textbook for X–XI grades of Russian schools in Kazakhstan]. Almaty: Rauan [in Russian].

21 Sarieva, K.N., Makhrakova, I.R., Moldakhmetova, Z.N., & Stavitskaia, N.N. (Eds.) (2002). Kazakhskaia literatura: uchebnoe posobie dlia 6 klassa [Kazakh literature: a textbook for the 6th grade]. Almaty: Zheti zhargy [in Russian].

22 Zimanov, S.Z. (1989). Problemy kazakhskogo obychnogo prava [Problems of Kazakh customary law]. Moscow: Nauka [in Russian].

23 Poliakova, V.T. (2008). Khan Kasym — velikii syn kazakhskogo naroda [Khan Kasym – the great son of the Kazakh people]. Taraz: Taraz universiteti [in Russian].

24 Kerimbekova, B., & Quanyshbaeva, A. (2017). Qazaq adebieti: zhalpy bilim beretin mekteptin 7-synybyna arналghan oqulyq. [Kazakh literature: a textbook for the 7th grade of a comprehensive school]. Almaty: Mektep.

25 Shakhmetova, N.A. (2021). Molitvennoe blagopozhelanie (bata soz) kak svoeobraznaia ploshchadka “sliianiia energii” [Prayerful benevolence (bata soz) as a kind of platform for the “fusion of energies”]. *Bulletin de l'Academie Internationale Concorde*, 1, 85–106. Retrieved from <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=45423137> [in Russian].

26 Adambayev, B. (1997). Kazakhskoe narodnoe oratorskoe iskusstvo [Kazakh folk oratory]. Almaty: Ana tili [in Russian].

27 Zhukov, V.P. (1998). Slovar russkikh poslovits i pogovorok [Dictionary of Russian proverbs and sayings]. Moscow: Russkii yazyk [in Russian].